

Ли Чжи замешкался лишь на мгновение — едва ли на пару секунд, — а затем с невозмутимым видом спрятал билеты в карман.

— Оу, ты не любишь кино, — послушно резюмировал он. — А как насчет обеда? Кстати, в кулинарном кружке сегодня пекут шоколадный брауни. Не хочешь зайти попробовать? — Юноша запнулся и торопливо добавил: — Гун Цзе тоже там будет.

В последнее время Ли Чжи словно подменили. От былой угрюмости не осталось и следа — его буквально распирало от бьющей через край энергии. Силы казались неиссякаемыми. Несколько дней подряд он подрывался в четыре утра, чтобы вылизать комнату до блеска: драил полы так, что те сияли зеркальной чистотой, — профессиональные клинеры и те бы обзавидовались.

Спал он от силы часа три в сутки, но ни разу даже не зевнул. К нему будто вернулась способность радоваться жизни. Эти перемены были настолько резкими и пугающими, что Гун Цзе не выдержала и с тревогой спросила:

— Личжи... ты в порядке?

— Со мной всё отлично, — улыбнулся он. — Правда, лучше не бывает.

Гун Цзе промолчала. Ли Чжи в это время деловито пересчитывал тетради с домашним заданием, которые собрал вместо Чу Минчжана.

— Личжи... тебе точно нормально? — снова осторожно спросила подруга. — Если тебе плохо, поделись со мной, не держи в себе. — Она немного помялась и наконец выпалила: — Мне кажется, Чу Минчжан порой... ну, совсем палку перегибает.

Она терпеть не могла видеть друга потерянным. Ей хотелось, чтобы он набрался смелости, но смотреть, как Ли Чжи раз за разом опускают, а он как ни в чем не бывало снова лезет на рожон, было невыносимо.

«Он вовсе не перегибает, да и мне не больно», — подумал Ли Чжи.

И это было чистой правдой. Он ожидал, что после каждого нового отказа будет сгорать от стыда и унижения, но ничего подобного не происходило. В его глазах Чу Минчжан всегда был окутан манящим, почти божественным сиянием. А что именно это божество говорило — Ли Чжи попросту не слышал. А раз слова не долетали до разума, то как они могли ранить?

Даже когда Минчжан у всех на виду швырнул в урну подаренную им ручку, Ли Чжи и бровью не повел. Удивительно: он ведь думал, что от такого позора захочет сигануть с крыши, но на деле его душевное равновесие даже не пошатнулось.

Он всё так же жизнерадостно стирал за ним с доски и на скучных уроках делал короткие, наивные записи в дневнике: «Погода чудесная. После обеда грелся на травке вместе с бродячим котом. А у Гун Цзе сегодня вышло невероятно сладкое печенье».

После уроков он по привычке собирался бежать за прохладительным напитком для своего кумира, но подруга преградила ему путь.

— Всё, хватит! Никуда ты не пойдешь! — взорвалась она. — Ты хоть понимаешь, что о тебе болтают в школе? Только-только улеглись эти грязные сплетни про Ван Кайсюаня, а ты опять лезешь на рожон! Хочешь снова стать всеобщим посмешищем?

Ли Чжи кротко посмотрел на неё:

— Гун Цзе, а научишь меня печь сладости?

— Да они же издеваются над тобой, Личжи! Что вообще с тобой происходит в последнее время?!

— Сконы, капкейки или, может, канеле?

— Личжи, ты меня вообще слышишь?!

— Наверное, лучше капкейки... Они выглядят попроще.

— Нет, ни за что! Я ничему тебя не научу! — Гун Цзе была на грани истерики. — Зачем тратить силы на то, что всё равно окажется на помойке?!

Слова сорвались с губ прежде, чем она успела подумать. Девушка похолодела — она знала, насколько Ли Чжи раним и чувствителен по своей природе.

— Прости, Личжи... я не то имела в ви...

— Да нет, ты права, — перебил её парень. Он смущенно почесал затылок и безмятежно улыбнулся. Никакой обиды — абсолютная броня. — Я ведь совсем безрукий, у меня наверняка выйдет какая-нибудь гадость. Зачем позориться и дарить такое?

Гун Цзе лишилась дара речи. Она смотрела на стоявшего перед ней юношу, и её глаза испуганно дрожали. Она еле слышно прошептала:

— Ли Чжи... да что с тобой стряслось?

— Да всё отлично! — весело отозвался тот, так и лучась непонятым энтузиазмом.

Чу Минчжан, само собой, в кулинарный кружок не пошел, но Ли Чжи это ничуть не расстроило.

«Он просто занят. Ничего страшного, сходим в другой раз!» — уверял он себя.

Гун Цзе больше не пыталась его остановить. Лишь изредка она злобно зыркала на тех, кто шептался за спиной Ли Чжи. А тот становился всё более навязчивым. Он примерял на себя роли кедди на поле для гольфа, конюха, курьера — кого угодно, лишь бы быть полезным. Постепенно школьная публика сменила брезгливое презрение на равнодушное привыкание. Все свыклись с тем, что за статным Минчжаном повсюду тащится нелепая тень в очках в толстой оправе и с прической-горшком.

Даже Чжоу Баюй привык. Сталкиваясь с ним, он лениво бросал:

— Здорово, чудик.

В последнее время старший брат сменил гнев на милость. Подколки и мелкие пакости никуда не делись, но бывшего садизма поубавилось. Возможно, дело было в беременности Ван Сяочунь. На фоне грядущей угрозы в виде законного наследника этот тихий сводный брат казался Баюю совершенно безобидным.

Хань Цзыяо же просто потешался. Потягиваясь на стуле, он любил съязвить:

— Минчжан, гляди, твоя благоверная пожаловала.

Обычно гордый Чу Минчжан за такие шутки спускал шкуру, но теперь он лишь делал вид, будто ничего не слышит. Он привык. Он относился к Ли Чжи как к пустому месту — проходил мимо, не достаивая даже взглядом.

Чтобы довести ситуацию до этого сомнительного компромисса, у Ли Чжи ушел почти целый семестр.

Начались летние каникулы. Огромный особняк пустовал. Отец улетел в Гонконг по делам крупного бизнеса, а мачеха, находившаяся уже на шестом месяце, отправилась за границу — беречь себя и готовиться к родам.

Дома они планировали появиться нескоро. Чжоу Баюй тоже укатил за рубеж развлекаться — судя по всему, в компании Минчжана и Хань Цзыяо.

Лето тянулось так же невыносимо уныло, как и зимние каникулы. Запрос в друзья в мессенджере от Минчжана так и висел без ответа. Гун Цзе уехала отдыхать. Ли Чжи заперся в своей комнате, не выходя наружу и полностью отрезав себя от внешнего мира.

Он просыпался, читал всё подряд — от философии до бульварных романов, — засыпал снова. Шторы были задернуты наглухо, поэтому он потерял счет времени, путая день с ночью.

Маниакальный запал сошел на нет, оставив после себя мертвую пустоту. И когда в один из серых дней Ли Чжи лежал на кровати, а в голове лениво заворачивалась мысль: «Может, пойти найти море да утопиться?», его внезапно прошиб холодный пот.

Это было возвращением депрессивной бездны.

«Так нельзя. Мне нужно занять себя. Срочно», — лихорадочно уговаривал он себя.

Но кто мог вернуть ему вкус к жизни? Кто был его единственным якорем в этой реальности? Ответ был очевиден.

Чу Минчжан.

Но сейчас были каникулы. В школе он мог видеть его каждый день, а теперь у него не было ни единой лазейки, чтобы приблизиться к нему.

Ли Чжи медленно сходил с ума от нехватки своего наркотика.

Отчаявшись, он завалил сообщениями Гун Цзе. Подруга, правда, восторга друга не разделяла — её отношение к Минчжану после того, как Ли Чжи превратился в его верного фаната, упало ниже плинтуса.

Ли Чжи помнил, что Минчжан когда-то проявлял интерес к Гун Цзе, и чувствовал себя виноватым. Он даже лелеял безумную мысль свести их вместе, но это было делом далекого будущего.

Гун Цзе категорически противилась любым его попыткам сблизиться с Минчжаном. Услышав о его душевных терзаниях, она попыталась воззвать к разуму:

— Не можешь найти его летом? Так это же отлично! На каникулах ты наконец остынешь и забудешь его. Слушай, я вернулась в город S, давай я приеду? Проведем время вместе. Или давай вообще улетим куда-нибудь отдохнуть? Куда ты хочешь?

Но Ли Чжи упорно твердил одно и то же:

— Неужели нет вообще никакого шанса его увидеть?

В конце концов, измученная его нытьем Гун Цзе сдалась:

— О господи! В конце августа у него день рождения. Делай что хочешь, я умываю руки!

— Прости... А он будет устраивать вечеринку?

— Естественно!

— А ты пойдешь?..

— Нет, конечно, мы же не общаемся! — А затем, словно предвидя его следующий вопрос, злобно добавила: — И даже если бы у меня было приглашение, я бы тебе его не отдала. Сам выпутывайся!

После этого она замолчала. Гун Цзе была гораздо умнее его и в последующие дни искусно меняла тему всякий раз, когда Ли Чжи пытался вывести подробности.

По телевизору крутили «Золушку». Вот только Ли Чжи понимал, что он совсем не похож на героиню сказки. У Золушки была добрая крестная-фея. У него же — никого. Зато, как и у сказочной сироты, у него имелся злобный сводный брат.

Безумное отчаяние толкает на безумные поступки. Ли Чжи и сам не понимал, как решился пойти к Чжоу Баю.

Баюй только проснулся и вяло ковырял палочками только что нарезанную сырую рыбу. Ли Чжи робко присел напротив, наблюдая, как брат превращает нежную мякоть в кашу.

— Брат, ты ешь это на голодный желудок?

Баюй лениво приоткрыл один глаз. Видимо, настроение у него было неплохим, раз он снизошел до ответа:

— Запал на японку, которая подрабатывает в суши-баре. Приходится тренироваться есть эту дрянь.

— А, вот как.

Ли Чжи замолчал, не зная, как продолжить. Он никогда не умел вести непринужденные беседы. За столом повисло тяжелое, неловкое молчание.

Баюй удивленно воззрился на него. Обычно этот недоделок шарахался от него как мышь от кота, а тут сидит и чего-то ждет. Совсем страх потерял?

— Ты чего тут застыл как истукан? — грубо спросил он.

Ли Чжи до боли сжал пальцы и, набрав в грудь воздуха, выпалил:

— Брат... А у... у Чу Минчжана ведь день рождения в конце августа, да?

Баюй прищурился. Зная о собачьей преданности сводного брата к Минчжану, он мгновенно раскусил его мотивы, но решил пока поиграть:

— Ну да.

— Наверное, это будет очень пышный праздник?

— Ха! — Баюй презрительно фыркнул. — Пышный? Да обычная скукотища. Соберется толпа пафосных индюков, чтобы лизать друг другу задницы и налаживать связи. Ну и прихвостней калибром поменьше набегит для массовки. Тоска смертная.

Ли Чжи растерялся, выдавив блеклую улыбку:

— Да? А я думал, там весело...

Баюй наконец отложил палочки, перевернул их и ткнул тупыми концами в сторону Ли Чжи:

— Ты чего задумал, а? В школе тебе мало было перед ним унижаться? — процедил он. — Ублюдок, так сильно хочешь примазаться к его богатству?

Ли Чжи промолчал, но не ушел. Это означало, что он готов терпеть любые оскорбления ради своей цели.

Баюй ухмыльнулся:

— Даже не думай. Мы с ним сто лет знакомы. Минчжан горд до безумия. Сейчас он тебя не трогает просто потому, что мараться лень. Но если ты его по-настоящему взбесишь — сотрет в порошок и не поморщится. Посмотри, во что превратились родители Ван Кайсюаня. Где они теперь?

Он ждал, что сопливый сводный братец сейчас сбежит в слезах, но тот продолжал сидеть на месте.

Баюй опешил, а затем расхохотался:

— Да ты реально псих. Приглашения именные, я тебя с собой не потащу. Но... так и быть, могу подкинуть шанс.

Он взял тубик васаби и щедро выдавил добрую половину прямо на тарелку с сашими. Затем пододвинул меси́во к Ли Чжи.

— Ты прав, жрать это натошак — сомнительное удовольствие. Выбрасывать жалко. Помоги-ка брату, доешь.

Ли Чжи несколько секунд смотрел на зеленую жижу, покрывающую рыбу. Затем решительно взял палочки.

Баюй откинулся на спинку стула, с интересом наблюдая за ним:

— Ну давай, рискни. Не сможешь — катись отсюда. Тебя дома вроде не голодом морят, нахрена тебе это...

Договорить он не успел. Ли Чжи одним махом подцепил добрую половину порции вместе с густым слоем острой горчицы и запихал в рот. Он судорожно сглотнул, не давая рецепторам опомниться, но яд васаби мгновенно нанес удар.

Едкий, удушливый жар мгновенно взвился из глубин горла, выжигая носоглотку и ударяя прямо в мозг. Ли Чжи схватился за шею и согнулся пополам. Лицо его мгновенно налилось багровым цветом, из глаз брызнули слезы, по подбородку потекла слюна. Он зашелся в глухом, раздирающем кашле, его бледная шея покрылась пунцовыми пятнами.

Казалось, он сейчас задохнется. Пальцы мертвой хваткой вцепились в край стола — ногти побелели, готовые содрать кожу.

— Эй, ты... — опешил Баюй.

Но Ли Чжи, не давая себе передышки, подхватил оставшиеся куски рыбы и запихал их в рот.

С диким трудом проглотив остатки, он тяжело рухнул грудью на стол, оставляя глубокие следы от ногтей на лакированном красном дереве. Ли Чжи хрипел, зажимая рот и горло руками.

Баюй смотрел на него с нескрываемым изумлением.

Однако через мгновение это изумление сменилось диким, почти безумным восторгом.

— Ха-ха... Ну ты даешь, блядь... — расхохотался он. — Ладно, я свое слово держу.

Он назвал адрес. Это была загородная усадьба, принадлежавшая матери Чу Минчжана.

<http://bllate.org/book/20441/2132684>